

Nina Barkovskaya

Мотив границы в польской и русской поэзии конца XX – начала XXI вв.

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 295-301

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Nina Barkovskaya

Uralski Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny
Jekaterynburg, Rosja

МОТИВ ГРАНИЦЫ В ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Ключевые слова: *современная поэзия, постсоветский, поколенческий опыт*

Традиционно в русской поэзии с образом Польши были связаны мотивы женственности и романтичности, гордости и жертвенности и – родственности. В концентрированном виде эти мотивы выразились в стихотворении М. Цветаевой *Бабушке*. Память о былом величии Польши сохраняется и сейчас. Евгений Клюев, живущий в Амстердаме, в цикле *Четыре стихотворения о Варшаве* восклицает: «Как воздушный поцелуй на лету / восемнадцатое это столетье!»¹. Даже бедность нынешней «пани Польши» кажется ему «милой». Но это восприятие Польши глазами туриста, праздного и любезного. Адам Загаевский отмечает, что в стихах чужеземных поэтов Польша «прекрасна, слаба, безрассудна», это «сказочная беззащитная страна», которую терзают «Третий Рейх и Третий Рим»².

Поэты эпохи 90-х гг. избегают романтического имиджа Польши, поскольку видят её не как объект созерцания – любования, а как территорию реальной (и трудной) жизни. Граница с Польшей всегда была относительной: «...Польша не за-граница». Польша была частью Российской империи, входила в блок стран социалистического лагеря. Культура и судьбы русского и польского народов всегда были тесно переплетены. Не оглядываясь на богатое примерами прошлое, назовем только главного художника БДТ Эдуарда Кочергина, чья мемуарная книга *Крещённые крестами* удостоена премии «Нацбест» в 2010 г. Книга посвящена «матке Броне, Брониславе Одынец», арестованной «за шпионаж» (после ареста мужа Степана «за кибернетику») и проведенной 10 лет в лагерях. Мальчик попал в детприемник под Омском, бежал оттуда и шесть лет, без денег и документов, добирался до родного Ленинграда. После долгих мытарств он встретился в ленинградском отделении милиции со своей матерью. Она нежно говорила ему по-польски, но чистенький капитан сказал: «Ты что ему пшекаешь? Ботай с ним по фене, он в этом языке больше разбирается»³. Слова матери: «Сын, будь осторо-

¹ Е. Клюев, *Зеленая земля*, Москва 2008, с. 239.

² А. Загаевский, *Стихи о Польше*, [в]: Н. Астафьева, В. Британишский, *Польские поэты XX века, Антология: в 2 томах*, т. 2, Санкт-Петербург 2000, с. 406-407.

³ Э. Кочергин, *Крещённые крестами: записки на коленках*, Санкт-Петербург 2009, с. 225.

жен, никому не говори, что с нами было. В этой стране легче посадить человека, чем дерево»⁴ относятся, разумеется, не только к полякам.

Трагические события XX в. формировали общий поколенческий опыт русских и поляков, а в начале XXI в. спутниковое TV, интернет, колебания валютного курса, мировой экономической кризис, процессы глобализации рождают общие проблемы, аналогичные тенденции и, следовательно, схожие психологические комплексы и эмоциональные реакции. Так, например, Марцин Светлицкий в стихотворении *MCDONALD'S* с иронией говорит, что порой чувствует себя гамбургером: «Порой я до смерти похож / на все остальные гамбургеры»⁵. Макдоналдс нередко упоминается и в стихотворениях молодых русских поэтов; Александр Генис, полагая кухню средоточием национальной «истории с географией», рассматривает «fast food» как возврат от оседлой жизни к кочевой⁶. Адам Земянин, с шуточной важностью воспевая пончики, грибочки и «утешительницу нашу» колбасу, делает другой глобальный вывод в стихотворении *Улыбка политика*: «...политики всего мира [...] смеются / один лучше другого / и каждый нам в лицо»⁷.

Проблема «границы», «транзита», «промежутка» актуализирована разгерметизацией «закрытых обществ»⁸, произошедшей не по воле массы. Исчезновение «заградительных линий» и о-граничений повергает в смятение. Исследовательница молодой польской прозы И.Е. Адельгейм отмечает, что точка зрения на мир у авторов последних двух десятилетий оказывается «пограничной», ключевое переживание – переживание своего положения между старым и новым, т.е. наступившим после 1989 г.⁹. Снятие «границ» (не государственных, а социально-этических) породило в 90-е гг. хаотичное пространство рынка, где ради выгоды (а для простых людей – ради того, чтобы выжить) могло быть принесено в жертву многое. Лешек Шаруга писал: «Просто теперь, когда лопнули связи системы, которая прежде маскировала реальность, убожество человечества обнаружилось во всей полноте. [...] Ныне самосознание человека расшатано, система ценностей подверглась распаду, размыванию [...] в мире, обратившемся в ничто, лишенном структуры, в мире, где нет ни складу, ни ладу: такова реальность, возникшая после коллапса прежней системы»¹⁰. О кризисе самоидентичности постсоветского поколения пишут и русские исследователи (Ю. Левада, Л. Гудков, Н. Козлова, Б. Дубин, Л. Горалик, см. также¹¹). *Негативная идентичность*¹² в 90-е тесно сочеталась с желанием скорее натурализоваться, вписаться в новые условия, хотя бы

⁴ Там же, с. 228.

⁵ М. Светлицкий, *Болезненная нехватка непонимания* (пер. И. Белова), „Воздух: Журнал поэзии” 2009, № 3-4, с. 195.

⁶ А. Генис, *Колобок*, Москва 2007, с. 317-318.

⁷ А. Земянин, *Улыбка политика*, [в]: Н. Астафьева, В. Британишский, *Польские...*, с. 457.

⁸ С. Ушакин, *Бывшее в употреблении: постсоветское состояние как форма афазии*, „Новое литературное обозрение” 2009, № 100, с. 760-792.

⁹ И.Е. Адельгейм, *Поэтика молодой польской прозы 90-х годов XX в.*, Москва 2005.

¹⁰ Л. Шаруга, *Литература последнего десятилетия*, „Новая Польша” 2001, № 4.

¹¹ Н.С. Смолина, *Советская эпоха в современном интернет-пространстве: проблематизация коллективной идентичности поколения тридцатилетних*, [в]: *Советское прошлое и культура настоящего: в 2 томах*, т. 1, Екатеринбург 2009, с. 45-46.

¹² Л.Д. Гудков, *Негативная идентичность*, Москва 2004.

мимикрировать. В такой ситуации граница играет роль «рубикона», который нужно поскорее перейти. Яркий пример дает рассказ Сергея Жадана *Специфика контрабанды внутренних органов*¹³. Граница между Украиной (а, косвенно, и Россией), Румынией, Венгрией, Польшей становится местом встреч и сделок, желанной и опасной зоной не столько разделения, сколько связи людей разных стран, пытающихся провезти «внутренние органы» – нелегальный табак, наркотики, спирт, кровь и мозг – целую страницу занимает огромное предложение с перечнем товаров, но провезти они стараются свои судьбы, свои жизни, убогие и никому не нужные по обе стороны границы. Хаос, что оговорено уже в первой фразе, предопределен «рассогласованностью отдельных пунктов да и целых разделов таможенного соглашения». Через пограничные кордоны со своим нелегальным бизнесом пытаются протиснуться «курьеры и погонщики караванов», не понимая, кто разделил их души на праведные и грешные, их караваны на чистые и нечистые, их визы на шенгенские и фальшивые. Румынские и польские пограничники, украинка, везущая нелегальный табак и украинская проститутка, якобы едущая поступать в Ягеллонский университет, цыгане – все герои рассказа подчеркнута простонародны и элементарны, они не борются с системой, они пытаются выжить, все одинаково несчастны. Это рассказ о любви и простой человеческой жизни, протекающей в нечеловеческих условиях, где за всё приходится платить собственными «внутренними органами», прежде всего – душой. Изуродована взрывом молодая девушка, якобы ехавшая в Ягеллонский университет, отобрали контрабанда у украинской женщины, счастливой и измученной третьим месяцем беременности: она «обреченно садится на холодный бордюры и внимательно смотрит на молодого венгра, и в её взгляде ненависть так странно соединяется с нежностью...»¹⁴.

В условиях острого вещевого дефицита и безработицы первых перестроечных лет в России многие женщины – инженеры, врачи, конструкторы, работницы отделов кадров и т.п. вынуждены были переqualificироваться в «челночниц» и устремились, прежде всего, в Польшу (вплоть до 2003 г. у России с Польшей сохранялись безвизовые отношения). Польская косметика и одежда считались более «шикарными», чем, например, турецкие товары. Мария Ватутина вспоминает¹⁵:

По Варшаве, Варшаве, по чужой по державе
Снег. Морозно стоять.
Это значит: торговка, полу-дух, полукровка,
Обморозюсь опять.

Дикий рынок в центре, в нулевом километре.
Перестроечный гам.
Я припомню едва ли, чем мы там торговали,
Как мы выжили там...

Восемнадцать. Красотка. Рядом – наша высотка
Пиком застила свет.

¹³ С. Жадан, *Рассказы*, „Новый мир” 2008, № 4, с. 104-113.

¹⁴ Там же, с. 100.

¹⁵ М. Ватутина, *Рынок*, „Новая Польша” 2010, № 4.

Пан за паном смеется: – *Почем* панина доца?
Мать смеется в ответ.

Отвечает: *недро*го. Только я – *недотрога*,
Я зубами стучу,
Ною русские песни, *наживаю* болезни
И в Россию хочу.

У меня – *ностальгия*. Знаю, знаю, Россия –
Мерзлота еще та,
Но за Брестским зазором стала личным позором
Мне ее нищета.

Первый выводок рынка посреди поединка:
Предложение – спрос,
От икорки до водки, чтобы – польские шмотки,
Чтобы выжить всерьез.

Хохломская посуда, шали Павлопосада,
Всё сметали они.
На осине – Иуда. На России – засада.
В Польшу – больше ни-ни.

Л. Шаруга¹⁶ цитировал стихотворение Т. Ружевича: «Молодые не знают / где очутились / где Рим где Крым / о! бля! где бабки?».

Разумеется, не только ситуация рыночной экономики порождает схожие переживания у русских и польских поэтов. К началу 10-х гг. нового столетия российские социологи отмечают усиление разочарованности, нарастание недоверия к государству и возрастание цинизма¹⁷. Юлиан Корнхаузер писал в стихотворении *Комитет государственной поэзии*: «Государство отменит нацию / Государство отменит родину / Государство отменит баррикаду [...] Государство сменит нацию на социалистический лагерь...»¹⁸. Но и Юлиуш Габрыэль, живущий уже при другом режиме, пишет: «я живу в стране / где правда / вычеркнута из словаря...»¹⁹. Первое десятилетие нового века породило ощущение стагнации («транзит» привел в «тупик»). Марцин Светлицкий также уверен: «...вы по-прежнему состоите в партии. / Партия заслонила вам весь горизонт», и даже «новейшая генерация моющих средств» не смоеет «всё партийное»²⁰. Схожим является ощущение пустоты, например, перекликаются стихотворения М. Светлицкого *Чердак*²¹

¹⁶ Л. Шаруга, *Литература последнего десятилетия*, „Новая Польша” 2001, № 4.

¹⁷ Л.Д. Гудков, *Механика общественного распада. Суррогаты надежды*, „Democracy.ru”, 21.10.2005, <http://www.democracy.ru/article.php?id=1207> 15.09.2011.

¹⁸ Ю. Корнхаузер, *Комитет государственной поэзии*, [в]: Н. Астафьева, В. Британишский, *Польские...*, с. 417.

¹⁹ Ю. Габрыэль, *Гравитация* (пер. Л. Оборина), „Воздух: Журнал поэзии” 2010, № 1, с. 170.

²⁰ М. Светлицкий, *Болезненная нехватка непонимания (Малиновый пиджак)* (пер. И. Белова), „Воздух: Журнал поэзии” 2009, № 3-4, с. 196-197.

²¹ М. Светлицкий, *Стихи* (пер. Д. Веденяпина), „Иностранная литература” 2006, № 8.

и К. Медведева *Мне кажется я почувствовал / смысл пустоты...*²². «Нулевые» годы многими в России ощутились как пустая эпоха. Так, спецпроект на OpenSpace, где критиками, социологам, людям искусства предложено было одним словом определить атмосферу первого десятилетия нового века, дал следующие результаты: «регресс» (Л. Баткин), «удуше» (П. Пепперштейн), «откат» (А. Ерофеев) и т.п.²³. «Пустая эпоха» – так определил свое время и Бронислав Май²⁴.

Болезненно переносится маргинализация интеллигенции, утрата ею символического капитала. Характерно название книги стихов Андрея Родионова – *Люди безнадежно устаревших профессий*. Назовем из неё хотя бы стихотворение *Как ведущий литературных шоу, конкурсов...*, в котором повествуется о том, как «глупый куратор убогой литературы», уйдя на две недели в запой, буквально «до чертиков», искал лучшего поэта России²⁵. Ева Липская пишет в стихотворении *Стипендиаты эпохи*:

Обложенные налогом стипендиаты эпохи.
Бунтовщики укрывающиеся в угасших вулканах
философии.
Сбегающие по лестницам противопожарным
на белые равнины бумаги.
Изысканные эстеты ведущие за собой
своих скандальных персонажей:
[...]
Мы все друг на друга похожи
и выглядим как падающие акции
или телеграмма о смерти²⁶.

Юлиан Корнхаузер иронично обыгрывает бодлеровскую метафору, говоря, что поэт – «старый засушенный цветок зла»²⁷. Дезориентацию личности отражает язык, представляющий собой смесь просторечий, ненормативной лексики, компьютерных терминов, американизированного молодежного сленга и «обломков» классики в виде аллюзий и интертекста.

Сближает в ситуации дезориентации только горе, переживаемое как свое. Так, например, Л. Петрушевская пишет о страшном наводнении, начавшемся на юге Польши и принесшем столько несчастий: «...моя польская вторая часть заплакала». В начале стихотворения автор замечает, что «Польша как и Россия / была полигон ада на земле»²⁸.

Итак, постсоветская эпоха, «разгерметизировавшая» общество, переживалась во многом сходным образом, что нашло отражение в перекличке мотивов в польской и русской поэзии. Впрочем, иллюзий относительно свободы не так уж много. Лешек Шаруга выразил чувство, знакомое и русским поэтам:

²² К. Медведев, *Всё плохо*, Москва 2002, с. 13.

²³ Спецпроект OpenSpace.Ru «Про нулевые» <http://www.litsnab.ru/literature/1473> 15.09.2011.

²⁴ Б. Май, [*Стихи*], [в]: Н. Астафьева, В. Британишский, *Польские...*, с. 488.

²⁵ А. Родионов, *Люди безнадежно устаревших профессий*, Москва 2008, с. 24-26.

²⁶ Е. Липская, *Стипендиаты эпохи*, [в]: Н. Астафьева, В. Британишский, *Польские...*, с. 403.

²⁷ Ю. Корнхаузер, *Альбатрос*, [в]: там же, с. 420.

²⁸ Л. Петрушевская, *Парадоксы. Строчки разной длины*, Санкт-Петербург 2008, с. 79-82.

Настала новая эпоха.
Сжигаем портреты прежних вождей,
Рушим памятники, меняем названия
Улиц и площадей. Все безумно заняты.

Вдруг оказалось, что у нового порядка
Нет врагов. Непонятно,
Почему же старый порядок так долго держался.
Никто никогда его не хотел.

Многие из нас не знают, что говорить,
Когда говорить можно все. Захваченные врасплох,
Мы задыхаемся. Мы боимся собственных слов.
Мы боимся себя.

Деревья растут как прежде.
Солнце каменеет²⁹.

Навык «негативной идентичности», когда своё определяется через противопоставление чужому, может породить желание новой границы, ограды, непреходимой черты, ведь так трудно быть самим собой, вынести груз ответственности личной свободы. Марцин Светлицкий заметил, что люди, загорающие возле ограды Майданека, перелезают внутрь – «и внутри ограды / чувствуют себя даже / ещё безопасней»³⁰. Историческая амнезия создает опасность новой «закрытости», о чем предупреждает, например, Рышард Крыницкий:

– Вы свободны – говорит стражник,
и железные ворота закрываются
теперь уже с этой стороны³¹.

Таким образом, проблема границы сохраняет свою актуальность в польской и русской поэзии постсоветской эпохи. Однако содержание мотива меняется: от буквального образа границы между странами до понимания границы как внутренней – и добровольной – ограниченности, обеспечивающей комфорт и стабильность, хотя бы и ценой личной свободы.

²⁹ Л. Шаруга, *Из дневника [1]*, [в]: Н. Астафьева, В. Британишский, *Польские...*, с. 437-438.

³⁰ М. Светлицкий, *В июне 1986-го*, [в]: там же, с. 509.

³¹ Р. Крыницкий, *Вы свободны*, [в]: там же, с. 385.

Summary

Motif of the border in Polish and Russian poetries at the end of XX and beginning of XXI century

The Post-Soviet reality has identified mainstream motive of “border” in the works of Russian and Polish poets, defined both as external (national) and internal (psychological). Muster of motifs and images detects similar generational experience of young authors. There are similar psychological complexes and emotional reactions: confusion, vulnerability, and self-identity crisis. As consequence a desire of new “outer limits” there can appears.

Key words: *contemporary poetry, post-Soviet, generation experience*